Союз креста и автомата

как символ «новой русской идеологии» по Глазунову

Послесловие к выставке в Манеже

«Таким я был всегда!» - с гордостью заявлял Илья Сергеевич почтеннейшей публике. И кривил душой. Поскольку в Манеже, к счастью, была выставлена не одна лишь его агитка «Россия, проснись!» образца 1994 года, прямо зовущая страну к топору (то бишь - к автомату), но и работы начала пятидесятых - середины семидесятых.

«Душа - мера», - гласит русская поговорка. Мера чувства и таланта, когда-то отпущенная Богом Илье Сергеевичу, была щедрой. Перед его ранними работами просто хочется снять шляпу. Одиночество, ужас перед бесчеловечностью мира, отнявшего близких - все это в полотнах молодого Глазунова переплывалось в образы по преимуществу живые и светносные. Вкус и духовная опрятность отличают портреты пианистки Марины Дранишниковой (1954) и Э. Яхонтовой (1955), Даниэля Сорано (1956) и Сикейроса (1955). По-настоящему хороши «Вечерний город» (1958) и «Достоевский в Петербурге» (1956), «Осень» (1963) и «Ожидание» (1966), «Лифтерша» (1966) и «Дворник. Новогодняя ночь» (1966)... Любопытной выглядела и его интерпретация некоторых мотивов и образов русской истории: «Иван Грозный» (1961), «Русский Икар» (1964), «Легенда о царевиче Дмитрии» (1967)... Тогда же, в шестидесятые, Глазуновым задумывается и осуществляется обширный цикл «Поле Куликово», пишутся замечательные «Кирилло-Белозерский монастырь» и «Горбун». Плотворным было его обращение к библейским сюжетам в «Пророке» (1966) и «Блудном сыне» (1965) и уже в качестве иллюстратора к памятникам классической русской литературы: романам Достоевского, повестям А. Н. Толстого и Куприна, лирике Блока... Можно, конечно, по-разному оценивать творчество Ильи Сергеевича в тот период. Кому-то его поиски были близки, кому-то - нет. Но одно было ясно всем: речь идет все-таки о живописи, о явлении, лежащем в границах искусства, а не, упаси бог, политики или психиатрии.

Последующий головокружительный культ художника, вдруг резко охладившего к искусству как таковому, можно, пожалуй, объяснить лишь кризисом, который претерпевало общественное сознание на рубеже восьмидесятых. Народ пил, щеголял в джинсах и «адидасовских» кроссовках, травил анекдоты про Леонида Ильича и был настроен все более и более критично. От природы обладая незаурядной коммерческой жилкой, Илья Сергеевич не мог не пойти ему навстречу. Слишком уж заманчивой была перспектива мгновенно получить то, на что другие художники кладут десятилетия, а то и всю жизнь - популярность, славу, репутацию прогрессиста.

И Глазунов вляпался в политику - причем специфически, умудряясь прекрасно совмещать верноподданнические заграничные командировки в революционные Гавану и Манангу (тут, кстати, впервые и появляются на его холстах симпатичные патриоты с «калашниковыми») со все более интенсивным производством идеологических «фиг в кармане», чрезвычайно популярных в среде вольнолюбивой советской интеллигенции, особо приближенной к ЦК. Законы «фигового» жанра были по-ленински просты и наглядны. Работать в нем было весело и доходно. Гораздо доходней, чем писать пейзажи и натюрморты. Знай держи нос по ветру, улавливай новейшие либеральные веяния в верхах да отливай их потом в соответствующие «эстетически законченные» формы, доступные возбужденным и озабоченным массам. Голод на элементарнейшую информацию был слышим велик. Таскать крупички фактов со стола сильных мира сего и печь из них очередные сенсации, казалось, можно будет вечно.

Горбачевская перестройка пришла к Илье Сергеевичу как нельзя кстати. Свои многочисленные «кукиши» он мог уже не держать в карманах, а демонстрировать все более открыто и оглушительно. «Ах! - всплескивала ручками какая-нибудь провинциальная дама, стоя году этак в восемьдесят шестом перед его опусом «Мистерия XX-го века», - я ведь всю жизнь подозревала, что Ульянов был мерзавцем и завел нас не туда. Но разве же я могла такое вслух сказать?! И Джу-гашвили вон весь в крови плавает. Тоже был гад порядочный... Ах, как это все верно и глубоко! Какой художник душ-

ка! Неужели за это больше не сажают?»

Пик популярности Глазунова естественно пришелся не средину-конец восьмидесятых, те самые романтические годы, когда монополия на информацию становилась все более нетерпимой, и ее санкционированные и несанкционированные утечки через ТВ, журналы и выставки принимались народом на «ура!». Люди ломались на Глазунова. Очередь буквально опоясывала Манеж. Стояли под проливным дождем и палящим солнцем. Стояли ради того, чтобы еще раз убедиться в реальности идущих перемен. «Гласность и перестройка есть возвращение к общечеловеческим ценностям», - заявлял, к примеру, с трибуны Михаил Сергеевич. Илья же Сергеевич мгновенно откликнулся опусом «Воскрешение Лазаря» (1987). Там было все, что грело душу советского руководства в тот ответственный исторический момент: бодрый Иисус Христос, за плечами которого маячили вдохновенный Горбачев с президентом Рейганом, мановением руки излечивал страждущего Лазаря (то бишь - народ), за плечами которого угадывалось его жуткое, полное деформации и злоупотреблений прошлое, где сплошь пылали храмы и кружилось воронье. И т.п.

«Гласность и перестройка есть возвращение на столбовую дорожку истории, с которой нас увели политические авантюристы!» - справедливо отмечал всемогущий генсек. Ответом Ильи Сергеевича на эту грандиозную мысль нашего лидера стало не менее грандиозное полотно «Вечная Россия» (1988), приуроченное к тысячелетию христианства на Руси.

На ошеломленного зрителя двинулась пестрая и причудливая армада православных святых вперемешку с гренадерами и гусарами, царями и царицами, полководцами и флотводцами, учеными и литераторами. Лучшим из лучших было доверено нести свечки. Слева от столбовой дорожки художник усадил плотоядного монголо-татарина. Правая обочина оказалась не в пример населенней: туда он свалил весь советский период отечественной истории плюс декабристов, стоящих в каре на Сенатской площади и почему-то под красным флагом. Видимо, так своеобразно автор понимал истоки всех бед, обрушившихся на Россию в двадцатом веке... Себя и своих близких он, конечно, на обочину задвигать не стал, а разместил аккуратно по соседству с суворовскими чудо-богатырями, стерегущими клетку с Емелькой Пугачевым. Что, к несчастью, явный анахронизм...

Несмотря на столь сумбурную и чересчур буквалистскую трактовку образа «столбовая дорожка Истории», известный терапевтический эффект эта вселенская смазь имела. Трудящиеся тыкали в тот или иной персонаж пальчиком и активно пополняли свой куций запас исторических знаний. «Слушай, Зин, а кто вон тот мужик с усищами во втором ряду, пятнадцатый справа? Что? Столыпин? Какой Столыпин?!» - вот один из расхожих диалогов тех пламенных лет.

К девяностому году все пространство советской истории подверглось радикальной инвентаризации и уценке, и к нему был припилен ярлык со злобешней надписью «Великий эксперимент». Раскрасить этот ярлычок и заправить в багет снова взялся не кто иной, как Илья Сергеевич Глазунов. В итоге родилось произведение, которое с полным правом можно назвать «Антологией советской бульварной печати эпохи перестройки и гласности». Сюда было собрано и свалено все самое сенсационное, крикливое и, порой, нелепое, что носилось по взбаламученной поверхности тогдашнего информационного потока. Квинтэссенцию же нового глазуновского «шедевра» можно было, как всегда, выразить одной фразой, а именно: «До семнадцатого года мы, братцы, жили в клевои, образцово-показательной стране, где пейзаже истово любили свои помещиков, рабочие - фабрикантов, а все скопом - Господа Бога и ласкового царя-батюшку, всеобщего покровителя и заступника; но потом с океанного Запада к нам вломилась картавые мasons-сатанисты и соблазнили наш доверчивый народ-богоносец, надругались над его кристалльной духовностью - и вот теперь смотрите, что из всего этого вышло!»

В этом - сущность «творческой» методы Ильи Сергеевича, сокровенное «ноу-хау» фирмы «Глазунов и Ко» с 1977 по 1991 год: бралась какая-нибудь расхожая идеологи-

ческая схемка, популярная на данный момент, нашпиговывалась не менее расхожей иллюстративной требухой и с пылу с жару выбрасывалась на рынок.

А рынок этот, казалось, был бездонен и ненасытен. Гласность продолжала хлестать из всех пробоев. Ответственность жаждала все новых и новых свидетельств своего исторического унижения - и, желательно, в доступной для него форме политического лубка.

И кто же мог предвидеть, что всего лишь год спустя после триумфа «Великого эксперимента» империя вдруг так стремительно и беславно развалится, и многое из того, что еще вчера казалось сверхактуальным и значительным - превратится в отыгранную карту? И скучная правда жизни будет состоять в том, что перестроечные открывания Ильи Сергеевича (как, впрочем, и любая продукция, произведенная наспех и на злобу дня) безнадежно устареют и перестанут быть центром всеобщего внимания и восхищения. Устаревая, как устаревают вчерашняя газета, зачитанная до дыр. И мусолить в тысячный раз тему о «коммунистической тюрьме народов» станет как-то пошло. Поскольку она благополучно прекратит свое земное существование. И что главных антигероев картин Ильи Сергеевича - Ленина и прочих «красных дьяволов» - нещадно репрессируют, а Дзержинского и вовсе сдернут с пьедестала и сволокут в траву.

В общем, наша избушка на курьих ножках внезапно повернулась так, что нужда в облицовке как-то сама собой отпала. Новая Россия возгладила положительного идеала. Причем - практического, что называется - на каждый день. А такого идеала в глазуновских творениях, хоть убей, было не сыскать. Насколько Илья Сергеевич был яр и конкретен в отрицании, настолько расплывчат и беспомощен оказался в утверждении. Ничего, кроме сурьезных абстракций на тему колоколов, березок, святых угодников и градов Китежей, он предложить не мог. Его положительный идеал оказался целиком опрокинут в прошлое, причем не в реальное российское прошлое, существовавшее от века, а - в вымышленное, умильно-лубочное, по-детски наивное.

В гайдаровскую эпоху экономического вытрезвления найти потребителя на столь сомнительный духовный продукт было проблематично. Практическим идеалом на каждый день для миллионов людей стало достижение сколько-нибудь пристойного уровня жизни. Бедность становилась пороком. Юродивые и блаженненькие выходили из моды...

А затем случилось то, что, наверное, не могло не случиться: вдруг выяснилось, что вполне приземленный идеал свободного демократического общества оказался не столь легкодоступен, как мечталось большинству соотечественников. За него потребовалось заплатить и кое-что претерпеть. А в октябре 93-го и вовсе обнаружилось, что многие не прочь вернуться в дореформенное стойло.

Нутряное отторжение реформ народом-богоносцем приняло нешуточный размах. Вопли о «продаже Родины оптом и в розницу, оккупации и агентах ЦРУ в Кремле» стали общим местом в речах самых разных проходивцев - от плюгавого «трудоросса» Анпилова до уважаемого фюрера ЛДПР Владимира Вольфовича. Затем грянули декабрьские выборы, взметнувшись посконную «национал-патриотическую» волну до небес. Волна катится, шумит, пузырится... И вот теперь, в июле, на самом ее гребешке мы вдруг встречаем - кого бы вы думали? - да Илью ж свет Сергеича собственной персоной! И снова - Манеж, и снова - «персоналка», но сейчас уже с многочисленной свитой в придачу... Не растерялся когда-то, не впал в уныние, а дождался-таки своего часа - и опять полон решимости судить, громить и обличать! Тех, естественно, кого еще совсем недавно нахваливал и поощрял на великие демократические дела...

Гвоздь глазуновской программы образца 1994 года - громадный холст с энергичным и недвусмысленным названием «Россия, проснись!» Это вот что: в центре, на раскаленной лаве стоит полуголый мужик и стоит орет, воздевая руки к небу. Разум его, безусловно, возмущен и до стиги точки кипения. В одной его руке наблюдаем автомат Калашникова, в другой - книгу «Нового завета», что, в принципе, отдает кощунством.

Ниже его впалого пупка поблескивает массивная пряжка с надписью «С нами Бог!», безусловно, являющаяся «калкой» с эсэсовского оригинала. Что кощунственно вдвойне.

У правого сапога нашего возбужденного героя ползает пьяный бомж и демонстрирует зрителю грязную фигу. Над левым сапогом заботливо склонилась молодая крестьянка с веточкой вербы в руке. Зачем - неясно. Между его ног торчит дощатый указатель с интригующим призывом «Русские, вон из России!» плюс пограничный столб с гербом бывшего СССР. За мужиком маячит простоволосая девица в камуфляже, вздымающая российский флаг. Ну а за ней столько всякого чудного народу, что в глазах рябит: многодетная семья, зачем-то решившая продаться за тысячу «зеленых», седобородый ветеран всех мировых войн с ППШ наперевес, суворовцы и brave герои войны двенадцатого года, двусмысленно ухмыляющаяся девица с обнаженным бюстом и, само собой, под памятником Минину и Пожарскому, находим маленького Ильюшу с как-то нарочито забинтованной головой и изо всех своих сил бьющего в голубой барабан с надписью «РОССИЯ - РУССКИМ!» Над всей этой страстью парит небесное воинство в плащах со свастиками, носится архангел с огненным мечом и, наконец, в левом уголке, среди облаков, обнаруживаем самого Господа Бога, грозящего пальчиком всему свету. Что кощунственно трижды...

Каждый четверг Глазунов прибывал в Манеж самодично и, окруженный плотной цепочкой боевиков в черных мундирах (может, из «Памяти»), делился с аудиторией своими самыми сокровенными мыслями. Мысли были настолько значительны, что не привести их здесь просто невозможно.

«Сегодняшний день есть не что иное, как кульминация геноцида», - чеканил Илья Сергеевич, - в Кремле засел продажный ельцинский режим которому скоро настанет конец. Со дня на день мы ждем новых Минина и Пожарского, которые поведут народ в бой... Мы будем бороться! Вокруг крах и смерть, русскими девушками забиты все публичные дома на Западе и Востоке... Во всем виновата масонская шпана, подрывающая устои. Везде - бесовские игры и сатанинские пляски, сплошные андерграунды, шопы, жопы... Все телевидение - не для русских. Что? Почему у него пряжка, как у эсэсовца? Клевета. Это немцы использовали русскую фразу. Мы вообще самый древний и культурный народ в мире. Мы одариваем всех духовностью... Имеет ли мои картины значение для России? Поднимите руки все считающие, что имеют. Так. Вопрос ясен... Мое отношение к Русской Православной церкви? Я считаю, что она должна стать воинствующей! Христос сказал: не мир я принес, но меч! Смоковницу, не дающую доброго плода, надо рубить беспощадно! Что? Как я отношусь к Руцкому? Считаю его великим государственным деятелем. А себя - белым солдатом Великой Российской империи. Нам нужен новый русский порядок. Нам нужна новая русская идеология. Она проста, как правда: самодержавие, православие, народность. Поймите - не массы вершат историю, а единицы, считанные единицы! Что? Как провинция сможет увидеть мои картины? А что такое провинция? Провинция теперь везде. Все убито и разгромлено. Москва, Петербург - лишь святые камни... А для того, чтобы везти картины, мне нужны бронированные машины с автоматчиками! Потому что повсюду - маньяки и ненавистники. Вот во что комиссары превратили страну!..»

В завершение одного из выступлений к Глазунову пробился древний старикан с трясушейся от слабости головой и, заикаясь, выпалил: «Вы, дорогой наш Илья Сергеевич, - великий русский художник-патриот. Вы - наш золотой фонд. Вы выражаете самую суть истинно русской души. Разрешите вам передать горячий привет от лица ветеранов и партизан Брянской области. А от себя лично хочу добавить, что был счастлив в жизни лишь дважды. Сейчас, когда стою перед вами и люблюсь этими шедеврами, и в 18-м году, когда самодично пожал руку дорогому Василию Ивановичу Чапаеву под Бугурусланом!» Тут Глазунов вздрогнул и поспешителателями своего таланта...

Сергей МЕНЖЕРИЦКИЙ.